

толстовскій стиль, честный, не прихорашивающійся, сохраняющій свою дорогую нескладность. Сама жизнь косноязычна; Толстой это знает, не чувствует передь нею ложнаго стыда и говоритъ первыми словами; они не отдѣланы, и по-прежнему сталкиваются что и которое (Толстой можетъ себѣ это позволить), и нѣтъ исканія эпитетовъ, — они отыскиваются сами собою, и слова, своеобразно соединенныя, иногда внѣ синтаксиса, какъ будто случайно попавшіяся, оказываются, однако, самыми центральными и нужными, и мѣткими и даютъ всю полноту выразительности, всю характерную гамму оттѣнковъ. Опять — толстовская наблюдательность, поражающая, неотразимая; отъ зоркаго глаза, отъ чуткаго уха не ускользаютъ ни внѣшняя детальность жизненнаго процесса, ни внутренніе перемены настроеній. Толстой услышитъ изъ устъ героя это повторяющееся, бессмысленное, но такое психологически-необходимое „фосфориты оправдаютъ“; въ дождливый день на тропинкѣ у шалаша онъ замѣтитъ не просто свѣжій слѣдъ босой ноги, но и — „еще покотившейся“; онъ увидитъ, какъ у министра, пожавшаго плечами, отъ этого „сморщилась красная лента на бѣломъ жилетѣ“; и если онъ скажетъ, что Махинъ былъ „гимназистъ съ усами“, то больше намъ ничего уже и не нужно, и Махинъ уже готовъ, охарактеризованъ, и ясно, что „онъ игралъ въ карты, зналъ женщинъ, и у него всегда были деньги“; весь обиходъ и почти вся фізіоно-